

ИСТОРИЯ

А. М. Кулемзин

доктор культурологии, профессор

заведующий кафедрой истории, музееведения, краеведения

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

К ТОЛЕРАНТНОСТИ БЕЗ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Монументальная пропаганда прочно вошла в жизнь российского общества. Это «система мероприятий советского правительства (1918–1920 гг.) по осуществлению намеченного В. И. Лениным плана пропаганды идей марксизма и увековечения событий революционной борьбы» [1, с. 51]. Посредством монументальной пропаганды в стране утверждалась бескомпромиссная классовая революционная идеология как абсолютно истинное учение. На памятнике К. Марксу, установленном в Москве в 1961 г., начертано: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. – Ленин». За этим тезисом подразумевалось право на обладание единственным рецептом достижения благосостояния и счастья. Однако, как известно, за такими претензиями обычно скрываются корыстные интересы правящей элиты.

Мы же склонны рассматривать монументальную пропаганду не как кратковременный эпизод, имевший место в революционной России, а как одно из проявлений идеологической борьбы специфическими средствами искусства, характерной для любого общества, находящегося в состоянии идеологической конфронтации. В России она началась задолго до того, как была четко сформулирована В. И. Лениным и обозначена программа ее осуществления в стране.

Сейчас трудно отыскать ее истоки в тумане исторической ретроспективы. Однако из летописных источников известно, что древние славянские племена, также как и многие другие народы на стадии политеизма, имели свои языческие святилища с изображениями кумиров. При удобном случае во время своих варварских набегов на Византию старались осквернить ее христианские святыни [2, с. 23]. Христиане же в свою очередь при утверждении новой религии на Руси вели особо жестокую борьбу не только с язычниками и их обрядами, но и с их кумирами, разрушая повсюду языческие святилища [3, с. 76].

Монументальная пропаганда использовалась для увековечения крупных военных побед. Так, например, Ярослав Мудрый в честь победы над печенегами на месте битвы заложил церковь Софии в Киеве, Андрей Боголюбский построил храм Покрова на Нерли в ознаменование победы над волжскими болгарами, Дмитрий Донской также после Куликовской битвы в знак победы поставил церковь Победы в Москве. В последующее время, особенно в эпоху Российской империи, и более всего начиная с Александра III, монументальная пропаганда архитектурно-скульптурными средствами расцвела пышным цветом. Но своего абсолюта она достигла в советское время.

Новой политической власти нужны были новые идеалы и новые художественные формы. В связи с этим правительство по предложению А. В. Луначарского приняло ряд мер по сносу монументальных памятников [4, с. 174; 5, с. 15–16]. Первыми мероприятиями в этом направлении было снятие старой символики и замена их новой к Первомайскому празднику. Так в Москве на здании Государственной Думы старый герб был заменен барельефным изображением рабочего и крестьянина с надписью: «Революция – вихрь, отбрасывающий назад всех, ему сопротивляющихся». На этом же здании была изображена надпись: «Религия – опиум для народа».

Отправным моментом в этой компании по монументальной пропаганде, длившейся в течение семи десятилетий, поглотившей колоссальные материальные средства и значительные интеллектуальные силы, была идея В. И. Ленина, высказанная им в беседе с А. В. Луначарским весной 1918 г. В этой беседе Ленин сослался на произведение Ф. Кампанеллы «Город солнца», где итальянский утопист рисует идеальный город будущего, уделив при этом большое внимание наглядно размещенным монументальным изображениям на архитектурных объектах. Эти изображения и надписи были посвящены науке и рассчитаны на обучение и воспитание детей. Фантазия Кампанеллы создает город с множеством памятников выдающимся гражданам за заслуги перед обществом. Ленин заметил Луначарскому, что это далеко не наивно и с определенными изменениями может быть реализовано в России. «Я назвал бы то, о чем я думаю, – сказал Ленин, – монументальной пропагандой» (цит. по: [6]). Как оказалось, термин был весьма удачным, не только для революционной России, но и как понятие для обозначения определенного вида искусства и пропаганды.

В процессе предварительного обсуждения идеи о том, что и как должно быть выставлено, Ленин заметил: «Важно, чтобы были доступны для масс, чтобы они бросались в глаза» (цит. по: [6]). Этими словами была подчеркнута пропагандистская цель мероприятия. Содержание этой пропаганды было предопределено большевистской идеологией. Ленин это сформулировал следующим образом: «... в разных видных местах... разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма. Еще важнее, я считаю, памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы» (цит. по: [6]).

Таким образом, мы видим, что для Ленина, в отличие от Кампанеллы, произведения монументального искусства являлись не иллюстрацией естественнонаучных знаний, а наглядным средством пропаганды революционных идей. При этом Ленин наверняка предполагал насколько велико эмоциональное воздействие монументального искусства. Он учитывал, что в России много неграмотных людей, и таким способом их легче и проще увлечь, внушить им необходимые идеи. Он утверждал, что сразу безграмотность не ликвидируешь, но на сознание человека легко подействовать во время торжественного мероприятия, например, при закладке памятника революционеру. «Торжественная обстановка, умная речь, толковое чье-то выступление... и незаметно мы уже достигли первой цели – тронули душу неграмотного человека» (цит. по: [6]). Несмотря на большие экономические затруднения в стране, Ленин придавал первостепенное значение монументальной пропаганде [7] и находил для этого средства [8, с. 10]. По его предложению в конце июля 1918 г. М. Н. Покровский сделал доклад на заседании СНК о необходимости установления в столице новых памятников, символизирующих непреодолимость революции [4, с. 175].

В 1918 г. был принят ряд постановлений СНК о постановке памятников «великим людям» [9, с. 18; 10, с. 19]. В этом списке, прежде всего, фигурировали имена революционных и общественных деятелей прошлого, а также писателей, поэтов, ученых, художников. Этими декретами были заложены правовые основы и идейно-художественное направление перспектив монументально-изобразительного искусства. Прежде всего, это искусство должно было быть глубоко партийным, оперировать обобщенными художественными образами, быть понятным народу, звать его вперед на преобразование мира.

Первые монументально-художественные произведения были изготовлены спешно из недолговечных материалов, в основном из гипса, бетона, кирпича, поэтому до настоящего времени не сохранились. Уже к первой годовщине Октябрьской революции в Москве было открыто более 10 памятников. Среди них это бюсты Герцена, Радищева и Лассаля, обобщенный символ «Мысль», обелиск «Советская конституция». В Петрограде перед Смольным установлен памятник К. Марксу, перед Зимним дворцом – бюст Радищеву. Всего же в первые годы советской власти в Москве, Петрограде и других городах было установлено более пятидесяти памятников и большое количество мемориальных досок.

Уже при жизни, начиная с 1923 г., стали устанавливаться памятники В. И. Ленину. Так, первые памятники ему были открыты в городе Глухове и в Уфе [11; 12, с. 12–13]. После его смерти II съезд Советов принял специальное постановление о сооружении памятников Ленину [86, с. 40].

Снятие царских памятников и установление новых советских не всегда проходило бесконфликтно. Варварское обращение со стороны большевиков с прежними святынями вызывало ответную реакцию. Так, например, в Москве в ночь с 6 на 7 ноября 1918 года был разрушен памятник Робеспьеру. В Киеве были разрушены памятники Шевченко, Марксу, Свердлову, К. Либкнехту. Имели случаи разрушения советских памятников и в некоторых других городах.

Монументальная пропаганда в первые послереволюционные годы была способом создания историко-культурной среды с определенным духовным настроем, полем неприемлемой идеологической борьбы на нескрываемой политической классовой основе.

Отношение к историко-культурному наследию – это сложное социально-историческое явление. В обществе, состоящем из различных социальных слоев с разными идеологическими, религиозными воззрениями, социально-политическими ориентациями, трудно утвердить единую концепцию отношения к историко-культурному наследию. Труднее всего этого достичь в эпоху крупных социальных потрясений. В революционной России имели место различные тенденции в сфере памятникоохранительной деятельности. Они не были нивелированы воинствующим большевизмом, но доведены до абсурдного максимума. В своем бескомпромиссном стремлении удержаться у власти любыми средствами большевики пожертвовали многим, в том числе и значительными историческими и культурными ценностями своей страны.

Специфика монументальной пропаганды состоит в том, что для достижения целей в ней используется то, без чего человек не может существовать – это пространство, в котором обитает каждый отдельный человек и все общество. Среда обитания, наполненная историческими и культурными объектами, является историко-культурной средой. Она в процессе контакта с человеком определенным образом влияет на его ощущения, психику, сознание и, в конечном итоге, на поведение человека. Посредством искусственного моделирования историко-культурной среды можно целенаправленно воздействовать на формирование общественного сознания больших масс людей. В этом случае архитектурные строения, исторические объекты, скульптурные произведения становятся не просто частью городского или сельского пейзажа, а одним из активных воспитывающих факторов, избежать которого затруднительно. В таком случае разрушающее воздействие на общественное сознание символических памятников, искаженно передающих историческую информацию, сравнимо с действием психотропного оружия: оно повсюду, его влияние не осознается, но оно постоянно воздействует на людей.

Мудрые политики всех времен прекрасно понимали и использовали великую силу эмоционального воздействия художественных произведений монументального искусства на психику и сознание. Поэтому внешнему оформлению столиц, откуда исходило таинство власти, всегда уделялось большое внимание. Сюда стягивались средства со всех подвластных территорий – лучшие архитекторы, скульпторы, мастера. С помощью произведений искусства, символизировавших желательные для власти общественные идеи, создавалась определенная иллюзия, воспринимаемая как реальность. Тем самым через регуляцию общественного сознания достигалась регуляция общественного поведения людей. «Большую роль при регулировании общественного поведения играют и архетипические и идеализированные модели общественной действительности» [13, с. 65].

Коммунистические истуканы, стоящие на площадях, раскалывают наше общество на тех, кто хочет и идет вперед, и на тех, кто хочет повернуть страну назад.

Охрана памятников истории и культуры и монументальная пропаганда с помощью символических памятников – это принципиально разные социальные ис-

торико-культурные явления противоположные по своим конечным целям. Они – антиподы, взаимно исключают друг друга.

Если охрана памятников имеет своей целью сохранение подлинных исторических свидетельств, реальных следов реальных прошедших событий как главного доказательства объективности произошедшего, то монументальная пропаганда имеет своей целью напоминание о произошедшем в переосмысленном виде. Символический памятник – это, прежде всего, художественное произведение, в котором воплощается субъективное видение художником или заказчиком того исторического события или лица, которому посвящено художественное скульптурно-архитектурное произведение. Художник, создающий символический памятник, имеет право на творческую фантазию, на художественный вымысел. Он не обязан адекватно следовать реальности. Кроме того, творец символического памятника, как правило, выполняет чей-то социальный заказ. Обычно в качестве такого заказчика выступает государственная власть, имеющая свои политические цели и пристрастия. В символическом памятнике всегда синкретично соединены мастерство художника, эстетические вкусы эпохи и политические идеалы заказчика. Поэтому произведения монументального искусства никогда не могут объективно отражать прошлую историческую реальность. Следовательно, их нельзя считать памятниками истории и культуры. Это лишь памятники искусства, если они действительно демонстрируют высокое мастерство.

Те социальные силы, которые наиболее всего заинтересованы в развертывании масштабной монументальной пропаганды, менее всего заинтересованы в объективном освещении истории, следовательно, и в охране подлинных памятников. Монументальная пропаганда, как правило, культивируется более активно в обществе с авторитарным политическим режимом, где власть стремится к массовому идеологическому оболваниванию народа с помощью самых различных средств, в том числе и с помощью монументально-изобразительного искусства. Это происходит потому, «что только так, посредством символов, возможно и осознать, и сохранить установленный порядок в мире» [14, с. 49].

Рассматривая этологические аспекты человека и «общественных» животных, психолог В. Дольник находит в них много общего в процессе установления социальной субординации, завоевания особью доминирующего положения в сообществе. «Доминирующей особи в стае важно, чтобы все остальные члены стаи знали, узнавали его... Для этого достаточно, чтобы ранг доминанта был на нем обозначен. У человека это достигается использованием символов власти. Имея в руках или на себе символы, можно управлять очень большим количеством людей, целым государством. Чтобы организовать и повести куда-то толпу, нужен символ – флаг, знамя, хоругвь. Символ зовет людей в огонь и в воду, если есть противник, враг. Под знаменем идут на врага, свергать власть, но никто не ходит под знаменем тушить пожар или бороться с наводнением» [15, с. 148–149].

В эпоху крупных социальных перемен, когда меняются духовные идеалы целых народов, изменяются и средства, выражающие эти идеалы. Именно так это происходило в России. Монументальная пропаганда с помощью символов в России существовала с глубокой древности. Она стала складываться тогда, когда возникло противостояние двух религиозных идеологий, христианства и язычества, и достигла своего апогея в советскую эпоху. В досоветское время, когда большинство населения страны было верующим, монументальная пропаганда занимала самое святое место для религиозного человека – культовый храм, то есть мнимое место обитания высшего почитаемого кумира. В советское время это место заняли иные кумиры, символизировавшие коммунистические и революционные идеалы. При этом монументальная пропаганда находилась под контролем партии власти. Так, например, одним из директивных государственных документов право принимать решения о сооружении «памятников и монументов, имеющих общегосударственный характер, особо важных по теме и требующих значительных материальных затрат» предоставлялось ЦК КПСС [16, с. 155].

В период утверждения христианства на Руси, как мы показали выше, христианскими миссионерами повсюду уничтожались языческие святилища. Вместо них, а зачастую именно на том месте, где прежде находился языческий храм, возводился новый, христианский. Затем, на протяжении нескольких столетий, христианство как основная государственная идеология использовало памятные исторические места для сооружения там культовых храмов. Они устанавливались на местах военных сражений, гибели национальных героев и на местах их захоронений, в ознаменование какого-либо исторического события, в местах посещения российскими царями и покушений на их жизнь, на их могилах и т. п. Эти места объявлялись церковью святыми, приобретали официальный статус исторических памятников и таковыми входили в изобразительное искусство, художественную литературу, в сознание россиян.

В столицах и некоторых других городах устанавливались символические памятники царям, великим князьям, государственным деятелям, ученым, представителям не оппозиционной творческой интеллигенции. Как правило, их авторами были выдающиеся художники. Это были художественные произведения высокого искусства. В 1905 г. со стороны МВД была предпринята попытка объявить памятниками те скульптурные произведения, которые будут лишь когда-то установлены в честь выдающихся лиц и исторических событий [17, с. 102]. Тем самым власть разоблачила свои тщеславные намерения.

Использование памятников лишь в идеологических целях – весьма затруднительное занятие, особенно если идеологические трактовки событий существенно расходятся с исторической информацией, заключенной в памятниках-подлинниках. Идеологическое использование памятников требует либо ликвидации источника подлинной информации, либо ее фальсификации, что довольно часто практиковалось в России. Подобное отношение к историческим подлинникам красноречиво иллюстрируется притчей об ортодоксальном мусульманине Халифе Омаре, утверждавшем, что не должно быть на свете книг иных, кроме Корана. Ибо если они противоречат священному писанию, то они вредны, а если нет, так и нет смысла повторять написанное.

В каждой конкретной исторической ситуации уничтожение «неудобных» памятников или их фальсификация не всегда эффективны и целесообразны по разным причинам: экономическим, политическим. Поэтому забвение памятника-подлинника является наиболее эффективным способом выведения его из влияния на общественное сознание. Известно, что любой памятник эффективно «работает» лишь тогда, когда он используется методически умело с учетом дидактических правил. Поэтому в советскую эпоху помимо разрушения «неудобных» памятников использовался также и другой не менее эффективный способ борьбы с подлинными памятниками – забвение. Забытый памятник в лучшем случае разрушался от времени и под воздействием естественных неблагоприятных факторов, в худшем – в результате хозяйственной деятельности. Именно это – невнимание государства к подлинным историческим памятникам – истинным историко-культурным ценностям – являлось основным мотивом постоянных возмущений передовой творческой интеллигенции. Однако правительство слабо реагировало на критику и упорно наращивало темпы монументальной пропаганды, доходившей до крайнего абсурда.

Демократическая, просветительская направленность памятникоохранительной деятельности и антиисторические цели монументальной пропаганды в России всегда находились в противоречии друг к другу, также как и устремления государства и общественности в области охраны и использования памятников истории и культуры. «Одной из особенностей взаимодействия культурной жизни общества, развития искусства и государственной политики в этой сфере в Российской империи, СССР и России было и остается порой радикальное расхождение поставленных целей и основных векторов направленности реальных процессов. Культурная жизнь развивалась как бы сама по себе, государственная политика ставила цели и задачи, противоположные тенденциям культурного развития – невыполнимые и приводящие к состоянию кризиса» [18, с. 11].

В демократическом обществе, построение которого является официально продекларированной государственной политикой Российской Федерации, монументальная пропаганда политических идей как средство насилия общественного сознания, противоречащее идеалам современного цивилизованного мира, должна быть исключена из общественной жизни общества.

«Тирания создает атмосферу страха. Рядовому человеку тяжело жить в постоянном страхе перед доминантом. Настоящие тираны это интуитивно понимают и заполняют свои владения преувеличенными изображениями своей персоны. Но если тиран умирает, «пинают мертвого льва», сносят его символы. Это делается на подсознательной основе... Простейшее чисто животное и самое исцеляющее от страха действие – разрушить истукана, унижить его, заставить лежать у ног. Свергая огромные статуи своих палачей, народ самым биологичным способом освобождает себя от страха и агрессивности. Убрать истуканы тиранам такая же врожденная потребность, как вытереть слезы с лица» [15, с. 152–153]. Подобные формы освобождения от мифологизированных кумиров, а вместе с тем и обманутого общественного сознания неоднократно имели место в истории разных народов. Не пора ли и России освежить свое лицо от скверны?

Литература

1. Энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – Т. 2. – С. 51.
2. Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси. – М., 1987.
3. Гессен А. Э. Жизнь архитектуры: Вопросы реставрации // Восстановление памятников культуры. – М., 1981.
4. Волкогонов Д. Ленин: Политический портрет. – М., 1994. – Кн. 2.
5. О памятниках Республики: Декрет от 12 апреля 1918 г. // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. – М., 1973.
6. Луначарский А. В. Ленин о монументальной пропаганде // Литературная газета. – 1933. – 19 июля.
7. Юсин А. Начиналось в 1905-м // Правда. – 1975. – 16 декабря.
8. Васильев-Вязьмин. Искусство людных площадей. – Ленинская идея монументальной пропаганды в действии. – Знание, 1977.
9. О постановке в Москве памятников великим людям: Постановление Совета Народных Комиссаров от 17 июля 1918 г. // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. – М., 1973.
10. Об утверждении списка памятников великим людям: Постановление Совета Народных Комиссаров от 30 июля 1918 г. // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. – М., 1973.
11. Колли Н. Я. Ленинский план монументальной пропаганды // Архитектура СССР. – 1967. – № 4.
12. Васильев-Вязьмин. Искусство людных площадей. – Ленинская идея монументальной пропаганды в действии. – Знание, 1977.
13. Фетисова Т. А. Памятники культуры и музееведения // Новая литература по культурологии. Дайджест 1. – М., 1995.
14. Плахова А. В. Социальная символика: к определению понятия // Категории исторических наук. – Л., 1988.
15. Дольник В. Непослушное дитя биосферы. – 1994.
16. О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов: Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. – М., 1973.
17. Егоров В. Л. Развитие и становление понятия «памятник истории» // История СССР. – 1988. – № 1.
18. Культурная политика России: история и современность. – М., 1996. – Вып. № 2. – (Серия: Ориентиры культурной политики).